

Глава 35. Тридцать пять

Башня Слушания Лебедей сияла огнями праздничных фонарей. В саду под сенью деревьев, на открытых террасах и в извилистых галереях покачивались изящные безделушки, радуя глаз гостей. Внутренний дворик благоухал десятками сезонных цветов. Их густые ароматы мешались в сладком, дурманящем хаосе, но таящем в себе дикую, перевозданную прелесть.

Чжуан Лин ненавязчиво приобнял Хань Хэна за талию, увлекая его вверх по ступеням.

У Хань Хэна до сих пор подкашивались ноги. Сначала этот негодяй бесстыдно тискал его за кулисами, а потом, в карете, зацеловал до полного помутнения в голове, так что Хань Хэн даже не сразу сообразил, куда его ведут. Лишь когда они переступили порог просторной гостиной и на них устремились взгляды десятка присутствующих, он окончательно пришел в себя.

Сияющий белозубой улыбкой юноша оказался Третьим принцем. Рядом с ним восседал мужчина в расшитом серебряными нитями парадном одеянии с изображением четырехпалого дракона, подпоясанный яшмовым поясом. Судя по всему, это был единокровный брат императора Бэйшо — Нин-ван.

С ним бок о бок примостился хозяин Башни Слушания Лебедей, Му Жань. Этот человек, казалось, был вовсе лишен костей: даже на жестком кресле из ценного палисандра он ухитрялся сидеть с такой ленивой небрежностью, словно нежился на перинах. Лицо его до самых глаз скрывал изящный веер из лебяжьих перьев.

Прочие гости были людьми почтенного возраста — должно быть, высокопоставленные столичные чиновники, из кожи вон лезшие, чтобы выслужиться перед Нин-ваном и Третьим принцем.

Хань Хэн застыл как вкопанный и сердито зыркнул на Чжуан Лина. Тот и бровью не повел. Слегка подтолкнув спутника вперед, он почтительно сложил руки перед Нин-ваном:

— Младший просит прощения у ваших высочеств за опоздание.

— Ну нет, Цишу, за такое опоздание полагается штрафная чарка! — со смехом отозвался Третий принц. Его живые, лукавые глаза блеснули, а подбородок качнулся в сторону Хань Хэна: — А это еще кто с тобой?

— Это...

Договорить Чжуан Лин не успел. Принц увлеченно замахал рукой:

— Ах, погоди! Сегодняшнее представление превзошло все ожидания. Говорят, его поставил некий молодой господин Хань. Я как раз послал Сяо Аньцзы разыскать его. И какая удача —

господин Ли из Министерства ритуалов оказался лично знаком с этим дарованием и уже пригласил его сюда. Творец ждет за дверью. Не будем томить почтенного гостя, сначала побеседуем с ним, а к твоей штрафной чаше вернемся позже.

Чжуан Лин мгновенно нахмурился.

Хань Хэн, угадав его порыв, легонько царапнул ногтем его ладонь. Поскольку их руки скрывали просторные рукава халатов, этого безмолвного жеста никто не заметил.

По приказу Чжуан Лина рядом поставили еще один стул. Хань Хэн послушно сел. Понимая, что под маской выглядит невзрачно, он умышленно втянул голову в плечи и ссутулился, стараясь казаться блеклым прихвостнем и не привлекать лишнего внимания.

Впрочем, тщетно. Опека, с которой молодой маршал ввел его в залу, уже заставила многих вельмож призадуматься, что за фаворит появился у наследника князя Жуя.

В залу вошел юноша. Он двигался с такой изнеженной грацией, словно в теле его не было костей, и опирался на служанку, напоминая хрупкий стебелек, готовый сломаться от малейшего дуновения ветра.

Хань Хэн обомлел. Перед ним стоял тот самый Хань Фэн, которого он безуспешно искал за кулисами! Он бросил быстрый взгляд на Му Жаня. Тот со значением опустил веер, едва заметно усмехнувшись, и одними губами произнес: «Пригрели змею».

Слухи о грандиозной постановке в Башне Слушания Лебедей, разумеется, просочились наружу. Однако весь последний месяц Чжуан Лин держал Хань Хэна в Саду Сюэ, и тот показывался на людях лишь в крайних случаях. К тому же сейчас, скрытый плотным гримом и неприметным одеянием, Хань Хэн выглядел заурядно — пока с него не сорвут одежду, никто не заподозрит в нем истинного мастера.

Хань Фэн же, напротив, сиял. Следом за ним шествовал тучный, лоснящийся чиновник с багровым лицом — господин Ли Пэй. Он отвесил присутствующим низжайший, заискивающий поклон.

Один из вельмож сально ухмыльнулся:

— Господин Ли, видать, раздобыл редкое сокровище! То-то вы в последнее время носа из дома не показывали и держали все в тайне. Не иначе как готовили подношение для Третьего принца?

Принц снисходительно улыбнулся:

— Подойди ближе, дай взглянуть на тебя. Издали я ничего толком не разглядел.

При упоминании недавнего зрелища чиновники начали переглядываться, обмениваясь двусмысленными улыбками. Свои похотливые мысли они пытались прикрыть благопристойностью, но от опытного взгляда Хань Хэна, повидавшего немало грязи за кулисами шоу-бизнеса в прошлой жизни, ничего не укрылось. В глазах этих сластолюбцев Хань Фэн уже стоял голышом. А ведь в этой среде стоит один раз снять одежду ради чужой прихоти — и вернуть себе прежнее имя уже не удастся.

Хань Фэн с самым скромным видом приблизился к принцу, опустив взгляд.

Цзюнь Минъянь кончиком веера приподнял его подбородок, поворачивая лицо влево и вправо.

— И впрямь недурен, — протянул он с восхищением. — Ну и повезло же вам, господин Ли. Интересно, уступите ли вы мне эту прелесть на пару дней? Уж очень хочется поближе насладиться его искусством.

Сияющий от гордости Ли Пэй мгновенно застыл, испуганно метнув взгляд на Чжуан Лина. Эта мимолетная заминка не укрылась от внимания принца.

— Что, Цишу тоже знаком с этим молодым человеком? — прищурился он.

Чжуан Лин промолчал.

Третий принц недовольно надулся, начисто забыв о придворном этикете:

— Иметь при себе такую редкость и скрывать от меня! Настоящий эгоист. Определенно, сегодня тебе не отвертеться от штрафных чаш.

— Юйчжи, ты заходишь слишком далеко, — негромко произнес Нин-ван.

Хань Хэн заметил, что стоило князю подать голос, как улыбки с лиц чиновников мгновенно испарились.

— Господин Хань.

Хань Фэн вскинул глаза, его веки слегка порозовели, а во взгляде отразилась такая незащитность, что сердце любого мужчины дрогнуло бы. С такой смазливой мордашкой и безупречной игрой этот парень в его прежнем мире затмил бы половину эстрады. Сделайся он его соперником на кастинге, Хань Хэну оставалось бы только признать поражение.

— Сегодняшнее представление поразило меня своим размахом, — ровным тоном продолжил Нин-ван. — Слияние водной глади, отблесков ночного неба и очертаний гор... Да и музыка столь необычна, что кровь стынет в жилах. Подобное зрелище заслуживает щедрой награды.

Чего бы тебе хотелось?

— Ваше высочество безмерно добры к ничтожному. Самая большая награда для меня — ваша благосклонность, — пролепетал Хань Фэн и приготовился опуститься на колени.

Однако тон Нин-вана внезапно переменялся:

— Но устраивать подобное бесстыдство на глазах у всех... Не находишь, что это за рамками приличий?

У господина Ли от этих слов мгновенно выступил холодный пот. Смертельно побледнев, он грохнулся на колени рядом с танцором.

Нин-ван ледяным взглядом смерил чиновника, неторопливо покручивая нефритовое кольцо на большом пальце, а затем перевел тяжелый взгляд на Хань Фэна.

Тот задрожал всем телом, словно подкошенный ветром, и, едва не упав плашмя, поспешно отвесил земной поклон. Но перед тем как коснуться лбом пола, он украдкой зыркнул на Хань Хэна, сидевшего подле Чжуан Лина.

У Хань Хэна екнуло сердце. Понимая, что этот прохвост сейчас попытается перевалить вину на него, он опередил соперника. Хань Хэн резко поднялся и твердым шагом вышел на середину залы, опустившись на колени перед высокими гостями.

— Ваше высочество, смените гнев на милость! — звучно произнес он. — Сие представление от начала и до конца срежиссировано мной. А господин Хань Фэн — лишь один из трех ведущих актеров.

— Вот как? — протянул Нин-ван, делая неторопливый глоток чая. — Цишу, это твой человек?

Чжуан Лин хладнокровно взглянул на Хань Хэна и подтвердил:

— Мой, дядя.

Больше он не добавил ни слова. Хань Хэн слегка усмехнулся про себя. Напустив на себя вид оскорбленной добродетели, он заговорил со всей искренностью, на какую был способен:

— Ваше высочество, если вы решите казнить меня, я не признаю своей вины!

По зале пронесся приглушенный вздох изумления.

Даже Чжуан Лин едва заметно нахмурился. Одно дело — дерзить ему наедине, и совсем другое — перечить Нин-вану. Влияние этого человека было безгранично: если он назовет тебя виновным, то никакая правда тебя не спасет.

Хань Хэн проигнорировал предостерегающий взгляд Чжуан Лина и с размаху ударился лбом о каменные плиты пола. Удар вышел глухим и сильным — на лбу мгновенно вздулась шишка. Крови не было видно из-за плотной маски, хотя под ней кожа определенно лопнула.

Такая решимость заставила Нин-вана невольно подобраться.

— Ты утверждаешь, что сам поставил эту похотливую пляску, где ведущий актер предстал перед толпой совершенно нагим, и смеешь заявлять, будто здесь нет греха прелюбодеяния?

— В таком случае мне остается лишь признать, что ваше высочество совершенно не поняли сути моего творения, — Хань Хэн дерзко вскинул голову, и его взгляд вспыхнул гордостью.

Нин-ван гневно вскинул брови.

— Дерзкий наглец! Позволил себе лишнего, едва прослышав похвалу! — закричал господин Ли. Он торопливо подполз на коленях к Хань Фэну и запричитал перед принцем: — Ваше высочество, этот негодяй вечно забивает голову всякой бесовщиной и ересью! Молю вас, проявите мудрость! Прочие актеры лишь следовали его указке, они безвинны. Пощадите их, явите вашу милость!

«Какая еще пощада, старый хрыч?»

Хань Хэн мысленно выругался. Ему безумно хотелось заткнуть рот этому трусливому чиновнику чем-нибудь потяжелее.

— Хань... Мин, — строго и веско вмешался Чжуан Лин, слегка запнувшись на имени, — говори дело и не пытайся умничать перед его высочеством.

Хань Хэн уловил намек. Игры со смертью хороши в меру, а перед столь грозным судьей затягивать интригу — себе дороже. Он выпрямился и заговорил уверенно:

— На подготовку этого представления ушло без малого два месяца. В нем задействовано около пятисот человек: три сотни танцоров массовки, трое ведущих актеров, а также более двухсот мастеров за кулисами — гримеры, осветители, музыканты, билетеры, плотники и стража. Сцена на открытой воде выбрана не случайно. Во-первых, простор озера и величие гор служат естественной декорацией, гармонично связывая человека с природой. Во-вторых, сумерки необходимы для создания неповторимой игры света и тени.

Нин-ван удивленно приподнял бровь, увлеченный его речью.

Третий принц подался вперед и звонко щелкнул пальцами:

— Постой! Но я не заметил на озере обилия светильников. Обычные фонари на качающихся плотках давали бы неровный, блеклый свет.

— Верно. Танцоры светились вовсе не от тепла свечей.

— Опять твои щедрые подношения, Цишу? — Нин-ван искоса взглянул на племянника. — Столько ночного жемчуга... Должно быть, это обошлось тебе в целое состояние?

Хань Хэн тонко улыбнулся:

— И снова не угадали, ваше высочество. Впрочем, без поддержки молодого маршала у меня ничего бы не вышло. Встреча с ним — величайшая удача в моей жизни. — В этих словах не было фальши; Хань Хэн действительно ценил все, что Чжуан Лин сделал для него. — Танцоры были усыпаны толченой лунной травой, а крошечные бусины ночного жемчуга украшали лишь ведущих артистов, да и те были самого низкого качества. Единственной бесценной вещью стал светящийся газ, который великодушно предоставил нам юный принц.

— Лунная трава?! — Третий принц подскочил на месте, но тут же смущенно кашлянул и чинно уселся обратно. — Неужели она существует на самом деле? Я-то думал, это досужие вымыслы заезжих сказителей.

— Истинная правда, ваше высочество.

— А у тебя осталось хоть немного? Покажи!

Хань Хэн мягко рассмеялся:

— Боюсь, сегодня все запасы истощены. Но если вашему высочеству угодно, я могу принести немного лунной травы в Башню Слушания Лебедей в любой другой день.

— Договорились! Дядя, кажется, ваша затея с Башней наконец принесла плоды. Перестаньте хмуриться, ведь процветание этого заведения сулит немалую выгоду вашему кошельку. А если вам претит этот бизнес, уступите его мне!

— Не дури, — осадил племянника Нин-ван, хотя на его губах промелькнула тень улыбки. — Одно к другому не относится. Твои старания я оценил, парень. Но все же объясни: в чем именно я ошибся, когда смотрел твою пляску?

— Ошибка кроется в сцене падения Хань Фэна в воду, — твердо ответил Хань Хэн.

— Хм? — Нин-ван опасно помрачнел.

Хань Хэн принялся вешать лапшу на уши с самым серьезным выражением лица:

— До падения в воду персонаж Хань Фэна предстает в образе пленительной девы. Однако оказавшись в реке, он разоблачает себя — зритель понимает, что перед ним юноша. Вся первая часть, наполненная нежностью и романтикой, показывает искусную игру вражеского соглядатая, пытающегося соблазнить сурового полководца. Проникнув вслед за генералом в лагерь, шпион попросту не выдерживает тягот походной жизни и решает искупаться. Тут-то его истинное естество и раскрывается. Разгневанный военачальник немедленно вышвыривает обманщика вон.

Третий принц не сдержался и громко фыркнул:

— Не вынес отсутствия бани? Ну ты и выдумщик! Мне определенно нужно получше узнать тебя. — Этот чудак забавлял его куда больше редких трав.

— И что же ты воспеваешь в этой нелепице? Самоотверженность шпиона, бросившегося в логово тигра, или проницательность военачальника? — лицо Нин-вана окончательно омрачилось.

— Ваше высочество, пощадите! Это лишь изящная интермедия, а не острая сатира на государственные дела. Без моих подсказок каждый военачальник волен видеть в ней свой скрытый смысл, не так ли?

Князь промолчал, задумчиво разглядывая его.

— К тому же, как говорится, чистому все видится в чистом свете, а порочному — в греховном, — продолжал Хань Хэн, уловив перемену в настроении Нин-вана. — Падение в воду привлекло всеобщее внимание, но из-за расстояния разглядеть наготу было попросту невозможно. К тому же в следующее мгновение другие танцоры взметнули алые шелковые ленты, сотворив из них покров и вознеся представление к кульминации. Момент падения — это величайшая загадка вечера, когда зрителю до безумия хочется рассмотреть детали, но тайное так и остается нераскрытым. Недосказанность манит куда сильнее откровенности. Разве можно назвать это бесстыдством, если никто из гостей ничего предосудительного не увидел? Вслед за разоблачением шпиона ждет неминуемая казнь: под торжественные аккорды его уносит течением на хлипком плоту. Миг, когда он восстает из пучины, мимолетен, но в своей трагической красоте он заслуживает остаться в вечности. — Складно плетя словесную паутину, Хань Хэн не сводил глаз с Нин-вана. Заметив, что тот смягчился, он добавил: — Подобное великолепие под силу явить лишь Башне Слушания Лебедей. Пусть она пустовала долгие годы, но ее музыканты и танцовщицы по-прежнему не знают равных во всем Бэйшо. И лишь от вашей воли зависит, позволить ли простому люду прикоснуться к этому искусству.

Нин-ван едва заметно улыбнулся и хмыкнул:

— Цишу, твой приятель умеет выдавать черное за белое. Сдается мне, тебе частенько приходится несладко в спорах с ним?

«Да черта с два! Это я у него вечно в дураках остаюсь!»

Хань Хэн про себя лишь горько усмехнулся. Места на теле, которых недавно касались пальцы Чжуан Лина, до сих пор горели огнем.

— Ладно, — поднялся со своего места Нин-ван. — Мое присутствие лишь стесняет вас. Сегодня в саду собралось немало благородных девиц, а вы двое прячетесь здесь. Ступайте. — Он строго зыркнул сначала на Чжуан Лина, затем на Третьего принца. — Му Жань, составь мне компанию, побеседуем.

Чиновники заискивающе поклонились, провожая господина взглядами, полными скрытого ехидства.

Му Жань ничуть не смутился: он вальяжно оперся на руку князя и с привычным изяществом удалился вместе с ним.

Едва дверь захлопнулась, Хань Хэн с облегчением зажмурился и без сил повалился прямо на пол. Тут же последовал легкий пинок пониже спины. Оборачиваться не требовалось — только один наглец мог позволить себе подобное.

— Вставай, — Чжуан Лин бесцеремонно вздернул его на ноги за шкурку. — Зрители разошлись, представление окончено.

Хань Хэн навалился на него всем телом, чувствуя слабость в коленях, и недовольно буркнул:

— Ну и страху я натерпелся! Если бы моя ложь раскрылась, он бы мне голову с плеч снес, верно? — Он выразительно провел ребром ладони по горлу.

— Ха-ха-ха! Мой дядя вовсе не кровожадный тиран, — со смехом отозвался Третий принц, который так и не ушел. Он подошел ближе, беззастенчиво разглядывая Хань Хэна с ног до головы, после чего озадаченно пробормотал: — Послушай, Цишу... Я помню, когда ты вернулся с победой, отец осыпал тебя дарами, среди которых были лучшие красавцы и красавицы столицы. Кто бы мог подумать, что твои вкусы окажутся... столь изысканными. — С этими словами он покачал головой и направился к выходу, даже не взглянув на притихшего Хань Фэна. Лже-творец перестал его интересовать.

— Не хочешь прогуляться по саду? — спросил Хань Хэн.

— А ты пойдешь? — Чжуан Лин без малейшего стеснения переплел свои пальцы с его.

Немногие оставшиеся в зале вельможи переглянулись, обмениваясь многозначительными смешками. Похоже, юный принц Чжуан тоже свернул на скользкую дорожку. Каков старший брат, таков и младший!

— А без меня ты шагу ступить не можешь? Привязался как младенец к мамке, — фыркнул Хань Хэн. Но тут его глаза азартно блеснули: — Я ведь готовил этот праздник целых две недели! И, кстати, прихватил с собой вино Куньлунь.

Лицо Чжуан Лина мгновенно потемнело.

— Не хмурься ты так! Одну кувшинку я выставил в качестве главного приза для гостей, а вторую припрятал для нас. — Хань Хэн заговорщически подмигнул ему. — Ну что, идем пить?

Чжуан Лин резко притянул его к себе за талию, прижимая к своему телу. У Хань Хэна в голове мгновенно помутилось: благородный юный принц, как выяснилось, уже давно изнывал от нешуточного возбуждения.

Хань Хэн пересохшими губами сглотнул слюну. В этот миг Чжуан Лин казался ему невероятно, порочно красивым, а в глубине его темных глаз бушевало такое неистовое пламя, что в нем можно было захлебнуться.

— Пока ты там с умным видом распинаясь перед дядей, мне безумно хотелось сорвать с тебя всю одежду, — прошептал Чжуан Лин.

Хань Хэн гневно воззрился на него.

— Швырнуть на это кресло и взять тебя так, чтобы... — Чжуан Лин осекся, влажно и горячо коснувшись губами его ушной раковины.

У Хань Хэна по спине побежали мурашки — ему почудилось, будто этот маленький извращенец пробует его на вкус.

— Перестань! Нин-ван едва не упрятал меня в темницу, а у тебя только одно на уме!

— Он бы не посмел, — отрезал Чжуан Лин. — Никто не смеет трогать то, что принадлежит мне.

В этот момент до Хань Хэна наконец дошел истинный смысл недавних слов Чжуан Лина. Пусть даже Нин-ван привык попираť любые законы, сам молодой маршал тоже был далеко не промах и умел постоять за своих.

На губах Хань Хэна заиграла дерзкая, лукавая усмешка. Он ухватился за воротник халата Чжуан Лина, притянул его к себе и легко, дразняще поцеловал в губы.

Глаза Чжуан Лина вспыхнули хищным блеском. Наклонившись к самому уху Хань Хэна, он выдохнул перехваченным от страсти голосом:

— Где вино? Я хочу его прямо сейчас. Ты назвал меня младенцем, требующим молока? Что ж, пускай так. — Он судорожно сглотнул. Он больше не собирался скрывать, насколько сильно жаждет этого человека.

<http://bllate.org/book/20487/2224558>